

Татьяна Бирюкова

Поэт, прозаик. Живет в пос. Селиваново Ленинградской области. Есть публикации в сборниках проекта «Ритмы Вселенной», «С любовью к волховской земле» (к 85-летию города Волхов), в журнале «Русские летописи» и др. изданиях.

Несостоявшийся дебют

Памяти Галины Волгиной

Медведь лежит в берлоге
под крышей ледяной,
поджал от стужи ноги,
проснется он весной...

Пятиклассница Аня аккуратно переписывала на тетрадные листки уже второе свое стихотворение. Дома никого, можно не стесняться.

Она еще раз перечитала строчки. Перелистнула страницу. Задумалась на минуту, проследила за единственной каплей дождя, с силой выброшенной октябрьской тучей прямо в стекло, после чего уверенно продолжила:

Колодец старый, одинокий,
опята нежные у пня,
а в спальне лучик солнцебокий
будить пытается меня...

Вспомнилось яркое утро в предвкушении лета и каникул, копны сена на поляне, грибной август. Аня почувствовала запах леса. Тут же сложилось четверостишие:

Здесь сосны просятся в окошки,
здесь пруд в ромашковом кольце,
здесь ежик дружит с нашей кошкой,
собака дремлет на крыльце...

Сердце торжественно трепетало, как первомайский флаг под весенним ветром. Щеки горели — то ли от жара протопленной к вечеру лежанки, то ли от волнующих мыслей. Аня представляла, как все удивятся и обрадуются, увидев ее произведения опубликованными. И как она опозорится, если их не примут... Целый год терзалась желанием отправить стихи — и сомнением, стоит ли лезть во взрослый журнал. Только бы никто не узнал!

Быстро, чтобы не передумать, Аня запечатала конверт. Назавтра по пути в школу письмо было опущено в почтовый ящик, а девочка стала ждать очередного номера журнала «Сельская молодежь», который выписывала мама в числе прочей корреспонденции.

Через полторы недели пришло письмо от литературного консультанта журнала, Галины Николаевны Волгиной. Стихи, естественно, не опубликовали, но уже самые первые слова Аню ошеломили. Мало того, что ответили, — к ней, двенадцатилетней, обращались на «Вы»! Далее следовал построчный разбор стихотворений. Каждой строчки! Были замечания по поводу «замыленных» образов, штампов. В очень деликатной форме предлагалось ими не пользоваться, заменить на новые, свои. Подчеркивалось, что некоторые образы в стихах уже присутствуют — интересные и только авторские.

Завязалась переписка. Галина Николаевна учила Аню чистоте слога, просила больше писать и присылать ей, а главное, внушила веру в себя, в свои возможности. Могла ли девочка подумать, что из-за неопубликованных виршей она не только не расстроится, но примет это, как успех, будет радоваться и любить весь мир, и верить, что любят ее? Даже походка изменилась. Маленькая, тоненькая фигурка будто летала над землей, едва ее касаясь. Душа праздновала триумф.

Уже ждала отправки по-настоящему большая подборка свежих творений. Галина Николаевна советовала перечитывать стихи спустя какое-то время, поэтому они лежали на «карантине».

Рисуя очередную пятерку в Анином дневнике, учитель русского языка и литературы Лариса Ивановна усмехнулась:

— А ты правила наверняка не учишь! Пишешь интуитивно... Интуиция-то у тебя хорошая, но все же учи правила — буду спрашивать всех... А почему такая счастливая ходишь?

Девочка смутилась. Ей очень хотелось поделиться с кем-нибудь радостью, но бабушка учила быть скромной.

— Ну? — учительница смотрела прямо в глаза.

— Стихи... посылала в «Сельскую молодежь».

— Напечатали?

— Нет! Но я с литературным консультантом переписываюсь. Она считает меня очень способной, пишет, что многого могу добиться, если по-

требую от себя максимума. И никаких скидок! Учиться еще надо. Список литера...

Лариса Ивановна перебила.

— И ты поверила? — она засмеялась. — Они всем так пишут. Это их работа! Раз не напечатали, чего там...

До школьницы не сразу дошел смысл фразы — слишком плотной была аура детской радости. Но слова учительницы ее разорвали, раскидали, уничтожили. Мир иллюзий больше не существовал... Вместо него появилось ощущение вины, будто сделала что-то постыдное. Она — бездарность, наивная простота...

После уроков Аня шла домой в одиночку, придумав повод задержаться в школе. Плакать не было сил. Ее обманули? Они всем так пишут? Больше никто никогда не увидит ее стихов!

В почтовом ящике лежало письмо от Галины Николаевны. В нем она приводила в пример стихи настоящего, по ее словам, поэта, нигде не печатавшегося:

Этот уж, ваш муж,
как сумел он вас обвить,
ваше маленькое тело кольцами любви,
заслонить лицо,
захлестнуть глаза
черным-черным цветом,
разлучить с цветами...

Разлучить с цветами... Теперь слезы текли по холодным щекам безостановочно. Это последнее, четвертое по счету письмо осталось без ответа. Несостоявшемуся поэту не хотелось жить. Внешне все оставалось по-прежнему. Да, в глазах появилось какое-то новое выражение... Но никто не придал этому значения.

Много лет стихи приходили к подростковой школьнице, а потом — студентке. И за много лет не было записано ни одной строчки. Речевки для школьных КВН, сочиняемые по просьбе учителей, в том числе Ларисы Ивановны — это не стихи. Были еще посвящения будущему мужу, о которых никто не знал. Спустя двадцать лет, поздравляя его в стихах с днем рождения через местную газету, Анна обнаружила изуродованные редактором строчки с натыканными междометиями. Потом редактор извинялся, а женщина думала о том, что не было в его жизни, к сожалению, такого человека, как Галина Николаевна Волгина.

Уже в солидном возрасте, перечитав письма Галины Николаевны при разборе архива, Анна долго не могла прийти в себя. Как много она потеряла, разорвав связь с таким грамотным, умным, чутким человеком!

С ней «нянчились», анализировали, хвалили, учили и никогда не ругали. Поправляли, деликатно подсказывали. И если действительно «всем так пишут», то есть писали, то низкий поклон за это тем, кто тратил на нас свое время и частички души.

Немолодая женщина долго стояла на берегу реки и смотрела на воду. Садилось солнце. Соловьи старались перепеть друг друга. Грусти не было. Как сложилось в жизни — так и сложилось.

Впереди — три месяца лета. Целых три месяца...

Женщина улыбнулась, сложила ненужный на сегодня мольберт. Слова рвались наружу из каждой клеточки ее существа, мозга, души, обретали форму, складывались в рифмованные строчки.

Анна выдернула из-под тюбиков с красками чистый белый лист мягкой бумаги и стала записывать:

В глубину водоскольженья
неразлучные с рекой
золотые отраженья
уплывали на покой.

Соловей тревожил душу
под лягушачий пиар,
горизонт из рыжих кружев
окунался в белый пар.

А кукушка за рекою
не спешила на ночлег,
мне вечернею порою
все считала длинный век.

Я про счастье знать хотела,
но кукушка поскорей
замолчала, улетела.
Как теперь поверить ей?

Иль ответ не знала точный?
Иль прогноз ее смущал?
Час июньской белой ночи
стать рассветом обещал.